

Повернуть Восток к России: фактор Китая

 В.В. Михеев

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Статья посвящена переосмыслению концепции «поворота России на Восток» через постановку более широкого исследовательского вопроса — каким образом возможно инициировать «поворот Востока к России». Теоретическая основа анализа восходит к научному наследию академика А.В. Торкунова и акцентирует внимание на институциональных и идейных условиях реализации российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Автор выделяет четыре группы факторов, определяющих перспективы этой стратегии: (1) характер региональной стабильности и нестабильности; (2) степень дружественности или недружественности стран региона; (3) особенности экономической динамики АТР, во многом зависящей от состояния китайско-американских отношений и внутренних приоритетов КНР; (4) идейно-ценностные рамки, показывающие ограниченность антиамериканизма и многополярности в качестве универсальных стратегических оснований. Центральное место в анализе занимает «фактор Китая», рассмотренный на основе поквартальной динамики 2022–2025 гг., что позволяет выявить постепенный переход позиции Пекина от доброжелательного нейтралитета к более прагматичной и осторожной линии поведения. Рассматриваются попытки Китая утвердиться в роли посредника в украинском конфликте, пределы концепции «партнёрства без границ», уроки, которые Пекин извлекает из украинского опыта для своей политики в отношении Тайваня. Экономическое измерение двусторонних связей характеризуется не столько стратегическим разворотом, сколько адаптацией и замещением, обусловленными санкционными ограничениями. Делается вывод о том, что при всей сохраняющейся стратегической значимости России для Китая расширение «полей расхождений» формирует новые риски для согласования интересов. Устойчивость «поворота Востока к России» возможна лишь при опоре на постепенную институционализацию сотрудничества, включение в региональные процессы и отказ от излишней идеологизации внешнеполитического курса.

Ключевые слова: Китай; Россия; Украина; «всеобъемлющее стратегическое партнёрство»; Глобальный Юг; вторичные санкции; миротворческие инициативы; Пояс и путь; американо-российские отношения; стратегическое соперничество

Академик Н.А. Симония, один из наиболее авторитетных российских исследователей «эпохи Е.М. Примакова», однажды сформулировал в разговоре со мной то, что я для себя назвал «формулой Симонии»: существует два типа академиков. Первые концентрируются на развитии собственно научных исследований, вторые проявляют себя прежде всего как выдающиеся организаторы науки. Мой собственный опыт научной работы убедительно подтвердил верность этой классификации.

Академик Анатолий Васильевич Торкунов принадлежит к той редкой категории учёных, которые сочетают в себе оба начала – исследовательское и организационное. Но его деятельность этим не исчерпывается. В данном случае «формулу Симонии» уместно расширить. Возглавляя на протяжении десятилетий МГИМО МИД России, формируя и направляя образовательный и научно-исследовательский процесс в одном из ведущих университетов страны, А.В. Торкунов не только готовит кадры для российской дипломатии и других сфер международной деятельности, но и последовательно воспитывает новое поколение отечественных учёных.

В настоящей статье внимание сосредоточено именно на научной составляющей многоаспектной деятельности Анатолия Васильевича – в частности, на его вкладе в исследование азиатско-тихоокеанской проблематики. Речь идёт об идеях, связанных с выработкой новых подходов к российской политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), включая концепцию так называемого «поворота на Восток».

В одной из своих работ, посвящённых этой тематике, А.В. Торкунов завершает рассуждение следующим выводом: «... на восточном направлении необходимо проводить осмысленную и хорошо скоординированную стратегию, основанную на эффективном использовании имеющихся ресурсов... Пока же... Россия не имеет полноценных организационно-управленческих и идейно-политических основ для её реализации» (Торкунов, Стрельцов 2003).

Опираясь на этот тезис, представляется возможным уточнить постановку вопроса. Возможно, речь должна идти не столько о «повороте России на Восток» – формуле, в известной мере предполагающей априорную востребованность России в этом регионе (что ещё требует веских доказательств), – сколько о том, каким образом сама Россия могла бы инициировать «поворот Востока к себе». Такой ракурс анализа предполагает наличие именно тех организационных, политических и идеологических оснований, о которых говорил Анатолий Васильевич.

В этой связи важно остановиться на двух ключевых аспектах: во-первых, на общей оценке факторов, способствующих или препятствующих «повороту Востока к России»; во-вторых, на анализе отдельных элементов внешней политики Китая как главного, по крайней мере на современном этапе, инструмента или «рычага» в реализации подобного поворота.

Можно выделить по меньшей мере четыре основные группы факторов, влияющих на перспективы «поворота» Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) к России.

Фактор региональной стабильности и нестабильности

В целом ситуация в регионе представляется скорее благоприятной для формирования условий, которые могут содействовать «повороту Востока к России». Обострения политической обстановки носят, как правило, волнообразный характер и редко приводят к прямым военным столкновениям. Схожая динамика прослеживается и в торговой сфере: периоды введения повышенных тарифов и нетарифных барьеров обычно сменяются их частичным смягчением.

Ключевым источником напряжённости остаются территориальные споры. Наиболее острую фазу, вплоть до вооружённых инцидентов, приобретают конфликты на границе Китая и Индии, а также — если расширить рамки АТР до Южной Азии — Индии и Пакистана, при том что последний является одним из ближайших политических партнёров Пекина. В состоянии высокой турбулентности находятся споры Китая с Вьетнамом и Филиппинами, сопряжённые с рисками военной эскалации; в менее острой форме сохраняются разногласия с рядом других государств АСЕАН. Китай последовательно выступает против привлечения внешних акторов к урегулированию конфликтов в Южно-Китайском море.

Определённый политический дискомфорт создают нерешённые вопросы морских границ и принадлежности отдельных островов в отношениях Китая и Японии (острова Сенкаку), а также Японии и Республики Корея (острова Токто). В замороженном состоянии остаются территориальные споры между Китаем и Республикой Корея по морской границе и между Китаем и КНДР в районе горы Пэктусан. Между Северной и Южной Кореей до сих пор отсутствуют дипломатические отношения: на суше их разделяет Демилитаризованная зона (DMZ), а на море — установленная ООН, но не признаваемая Пхеньяном Северная линия разграничения (NLL).

Для российско-китайских отношений этот фактор в значительной мере снят: процесс приграничного размежевания был завершён в начале 2000-х гг. Территориальные претензии Японии к России также не имеют реальных исторических перспектив.

Особое место в контексте региональной стабильности занимает проблема Тайваня. Пекин рассматривает остров как неотъемлемую часть территории КНР и трактует происходящее вокруг него как внутреннее дело Китая, исключая внешнее вмешательство. Формально и КНР, и Тайвань (Республика Китай) признают «принцип одного Китая», но каждая сторона интерпретирует его по-своему. Активное нагнетание напряжённости вокруг Тайваня западными странами — утверждения о «борьбе острова за независимость» и о готовности

Китая «в ближайшие два-три года захватить его силой» — выглядит скорее инструментом давления на Пекин. На взгляд автора, и руководство КНР, и значительная часть тайваньской политической элиты и общества заинтересованы прежде всего в сохранении мира и в дальнейшем развитии экономических и гуманитарных связей через Тайваньский пролив, нежели в реализации силовых сценариев.

Отдельного внимания заслуживает специфика исторических претензий Китая и обеих Корей к Японии, связанных с колониальным прошлым. Для всех трёх сторон характерна цикличная динамика — чередование фаз резкого обострения и периодов относительного затухания.

В целом фактор региональной стабильности и нестабильности можно признать в определённой степени благоприятным для «поворота» АТР к России. При прочих равных условиях государства региона не имеют мотивов, связанных с обеспечением собственной безопасности, которые препятствовали бы развитию двустороннего сотрудничества с Москвой. Логика взаимной выгоды объективно ориентирует Восток на взаимодействие с Россией. Задача Москвы заключается в том, чтобы последовательно использовать эту тенденцию — и в известной степени она уже решается.

При этом важно избегать переоценки имеющихся возможностей. Россию не воспринимают в регионе как посредника в территориальных спорах или как силу, готовую встать на сторону одной из конфликтующих сторон. На первый взгляд, это может выглядеть ограничением для «поворота» Востока к России. Однако в действительности такое положение избавляет Москву от необходимости принимать на себя дополнительные обязательства, что создаёт благоприятные условия для развития двусторонних отношений, привлекательных для стран региона. Эта привлекательность строится на трёх основных элементах: ориентации на мир, равноудалённости от конфликтующих сторон и акценте на двустороннем сотрудничестве в условиях волнообразной региональной стабильности.

Традиционно идея многосторонних форматов сотрудничества занимает заметное место в российской внешнеполитической мысли. Однако в условиях АТР её практическая значимость проявляется преимущественно в экономической плоскости. Речь идёт, в частности, об участии России в работе АТЭС, а в случае смягчения санкций — о возможном подключении к формирующемуся формату СВА-3 (Китай, Япония, Республика Корея), а также о сотрудничестве в рамках совместных проектов с Китаем и КНДР по развитию бассейна реки Туманган или инициатив по развитию бассейна реки Меконг, где востребован российский капитал.

В политической же сфере многосторонние форматы неизбежно будут с определённой периодичностью, по мере обострения региональной ситуации, ставить Россию перед необходимостью выбора в пользу одной из сторон. Это, в свою очередь, будет снижать заинтересованность противоположного лагеря в «повороте» к России.

Фактор дружелюбности и недружелюбности

Разделение государств АТР на дружелюбные и недружелюбные в зависимости от их позиции по украинскому кризису значительно осложняет задачу «поворота» региона к России и в ряде случаев делает её практически невыполнимой, если рассматривать регион в целом. Из этого вытекают два практических вывода:

1. сосредоточить усилия на укреплении связей с дружелюбной, дружелюбно-нейтральной и нейтральной частью региона;
2. предпринимать шаги для снижения уровня недружелюбности у тех государств, которые в настоящее время занимают негативную позицию по отношению к России.

В условиях усиливающейся фрагментации АТР необходим постоянный мониторинг динамики степени дружелюбности, включая возможность появления недружелюбных сигналов от стран, традиционно относимых к партнёрам. Не менее важно отслеживать сигналы от нейтральных, нейтрально-дружелюбных или даже формально недружелюбных государств, которые могут свидетельствовать о потенциальной готовности к более конструктивному взаимодействию с Россией.

В страновом разрезе к числу наиболее дружелюбных или нейтрально-дружелюбных партнёров можно отнести Китай, а также большинство государств АСЕАН и Индию (если расширить географические рамки АТР). К числу недружелюбных относятся так называемые «страны Восточного Запада» — рыночные демократии, опирающиеся на военно-политические союзы с США, прежде всего Япония и Республика Корея. При этом Южная Корея, учитывая специфику двусторонних отношений с Россией и интересы Сеула в обеспечении собственной безопасности в условиях противостояния с КНДР, может быть охарактеризована как «наиболее дружелюбная среди недружелюбных стран».

Определённый оптимизм внушает то обстоятельство, что недружелюбность ведущих азиатских экономик имеет иную природу, чем в случае с Европой. Нынешнее негативное отношение Токио и Сеула к Москве связано не столько с внутренне мотивированными антироссийскими установками, сколько с их союзническими обязательствами перед США. В этой связи осторожные ожидания возможного улучшения российско-американских отношений и урегулирования украинского кризиса могут создать предпосылки для корректировки подходов Японии и Республики Корея к взаимодействию с Россией.

Фактор динамики региона

АТР характеризуется высоким уровнем экономической динамики, что усиливает аргументацию в пользу гипотезы о возможности «поворота Востока к России». Для новых и развивающихся экономик Восточно-Тихоокеанского

пространства характерен поиск дополнительных источников роста, что предполагает расширение круга партнёров, особенно крупных в ресурсном, инвестиционном и технологическом отношениях.

На характер и темпы экономической динамики АТР в наибольшей степени воздействуют три группы факторов.

Во-первых, состояние китайско-американских отношений. Торговые конфликты и взаимные тарифные ограничения, сопровождающиеся ощутимыми экономическими потерями, сдерживают потенциал развития региона и косвенно снижают интерес к углублению взаимодействия с Россией. В то же время нормализация отношений между Пекином и Вашингтоном способна скорректировать политико-экономический вектор развития региона в сторону более благоприятных условий для «поворота Востока к России».

Во-вторых, внутренние экономические планы и амбиции КНР. Замедление темпов прироста ВВП, рост негативных потребительских настроений у населения, привыкшего к устойчивому повышению уровня жизни, но столкнувшегося с ограничениями периода пандемии и сложностями последующего восстановления, а также трудности поиска альтернатив американскому рынку в условиях тарифного давления США — все эти факторы ограничивают реализацию долгосрочных стратегических целей Китая, включая инициативу «Пояс и путь». Урегулирование украинского кризиса предоставило бы Пекину дополнительные возможности для продвижения своей стратегии на восточноевропейском направлении через территорию России, что объективно усилило бы его заинтересованность в «повороте» к России.

В-третьих, интеграционные процессы в АТР, формирующиеся преимущественно вокруг китайских инициатив. К числу наиболее значимых относятся развитие зоны свободной торговли Китай – АСЕАН, реализация инфраструктурных проектов в странах Индокитая (включая проекты в дельте реки Меконг, в Мьянме, Таиланде), а также поиск форматов трёхстороннего экономического взаимодействия Китая, Японии и Республики Корея. Совокупность этих инициатив подтверждает, что Китай сохраняет статус ключевого двигателя регионального экономического развития и выступает главным «поворотным механизмом» в контексте возможного сближения Тихоокеанского Востока с Россией.

Фактор идеологии

Формирование новых основ взаимодействия России с государствами Востока требует глубокого и тщательно продуманного поиска идеологических ориентиров. Идейное пространство современной России весьма разнонаправленно: от современных вариаций славянофильства, концепций исторической исключительности и культурной самобытности до установок космополитизма, глобализации и рыночной демократии. Такая широта подходов предполагает необходимость особо внимательного учёта идеологических настроений в АТР.

На этой основе должна формироваться реалистичная политическая стратегия, опирающаяся на выбор концептуальной платформы, приемлемой для большинства государств региона.

Использование антиамериканизма в качестве базовой идеологической конструкции для выстраивания отношений с Востоком обладает очевидными ограничениями. В большинстве стран региона антиамериканские настроения носят избирательный, ситуативный характер и подвержены изменениям в зависимости от национальных интересов, которым американское лидерство в одних случаях содействует, а в других препятствует. В условиях возможных изменений в российско-американских отношениях в 2025 г. для Москвы вряд ли целесообразно позиционировать себя в качестве флага антиамериканизма. Во-первых, далеко не все государства региона готовы принять российскую трактовку антиамериканизма, а если и примут, то с оговорками и лишь на временной основе. Во-вторых, подобная установка способна спровоцировать дополнительную волну антироссийской риторики и политического давления, что создаст новые вызовы для внешнеполитических задач России.

Схожие ограничения имеет и идея многополярного мира, направленная на ограничение гегемонии США и вовлечение в глобальную политику иных крупных центров силы. Для государств «средней силы» и малых стран АТР её реализация зачастую не меняет фундаментальной структуры международных отношений: зависимость «сателлитов» от «полюсов» сохраняется и в многополярных моделях. При этом дистанцирование от американского центра вовсе не гарантирует сближения с Россией: альтернативным полюсом для многих стран выступает Китай.

Внутрирегиональные идеологические ориентиры также имеют высокую специфику. Страны «тихоокеанского Запада» вряд ли откажутся от принципов рыночной демократии, тогда как Китай, несмотря на возрождающийся интерес к коммунистическим идеям, не способен предложить универсальную региональную или глобальную идеологию. Современный китайский коммунизм заметно отличается от классического марксизма, советской и еврокоммунистической моделей. Он признаёт частную собственность как равноправный с государственной двигатель экономики, но при этом политические свободы интерпретируются в жёстких рамках монополии Коммунистической партии Китая на власть.

Исходя из вышеизложенного, идеологическая составляющая российской политики в АТР должна формироваться на основе установок, потенциально приемлемых для большинства стран региона:

- снижение уровня опасений и недоверия в отношении России;
- продвижение концепций региональной безопасности, в особенности в ядерной сфере;
- акцент на идеологии сотрудничества, взаимодействия в экономической и технологической областях, а также в культурно-гуманитарной сфере, включая межличностные контакты.

Фактор Китая

Данный фактор является одним из ключевых для понимания перспектив «поворота» Востока к России, поэтому в рамках настоящего исследования ему уделяется особое внимание. Анализ основан на регулярном, ежеквартальном мониторинге позиции Пекина по украинскому кризису, проводившемся на протяжении последних лет. Значительная часть представленных материалов публикуется впервые в исходном виде, что позволяет читателю сформировать самостоятельные выводы. Структурно рассмотрение разделено на два временных блока: 2022–2023 гг. и 2024–2025 гг.

2022–2023 гг.

I квартал 2022 г.

События на Украине поставили Китай перед сложным политическим выбором. С одной стороны, Пекин не мог открыто осудить Россию, рассматриваемую как «главного политического партнёра в глобальном противоборстве с США». Отсюда последовали резкая критика и неприятие американских санкций против Москвы, а также обвинения в адрес Вашингтона в том, что именно он «своей политикой расширения НАТО... спровоцировал конфликт» и «продолжает нагнетать ситуацию распространением ложной информации» (в частности, о якобы имевших место просьбах Москвы к Китаю оказать военную помощь).

С другой стороны, Китай не мог поддержать российскую операцию, экстраполируя украинский прецедент на собственные проблемы сепаратизма в Тайване, Гонконге, Тибете и Синьцзяне. В этой связи последовали заявления в поддержку «суверенитета и территориальной целостности Украины» и даже осторожные реплики в адрес Москвы: министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что «только сам народ может давать характеристику своему режиму», тем самым противопоставив эту позицию российской риторике о том, что украинская власть представляет собой «недемократичный и нацистский» режим.

Постепенно официальная позиция Китая начала смещаться в сторону большей дистанцированности от Москвы. Руководство всё чаще определяло украинский кризис как проблему европейской безопасности. При этом Пекин продолжал критиковать санкции, но подчёркивал, что в первую очередь намерен защищать интересы собственных корпораций, рискующих попасть под вторичные ограничения США. Одновременно Китай направил Киеву гуманитарную помощь через Венгрию и Польшу и заявлял о готовности развивать взаимовыгодные отношения как с Россией, так и с Украиной.

В ответ на критику со стороны США китайская дипломатия подчеркнула, что происходящее на Украине не соответствует интересам Пекина, добавив, что если бы Китай был осведомлён о планах начала российской специальной военной операции, он предпринял бы всё возможное для её предотвращения.

Внутриполитический фон в КНР оставался неоднородным. В социальных сетях значительная часть молодёжи выражала поддержку действиям России, проводя прямые аналогии с ситуацией вокруг Тайваня и утверждая, что именно так следует поступать со сторонниками независимости. Власти не препятствовали подобной риторике, но разъясняли принципиальное различие статусов: Украина признаётся суверенным государством, тогда как Тайвань рассматривается как часть Китая. При этом акцент переводился на США: санкции против Китая по тайваньскому вопросу трактовались как аналог санкций против России по Украине и характеризовались как необоснованные, поскольку тайваньская проблема объявляется внутренним делом Китая.

Заметный резонанс вызвала статья китайского политолога Ху Вэя, заместителя председателя Центра исследований общественной политики Госсовета КНР и профессора Шанхайской партийной школы. В ней утверждалось, что Россия столкнётся с «огромными военными и экономическими проблемами», а Китай окажется изолированным от мира, «если не предпримет шагов по разрыву отношений с Москвой»¹. Текст под названием «Возможные результаты российско-украинской войны и выбор Китая» был опубликован 5 марта 2022 г. на сайте Центра Картера; после того как он набрал более 100 тыс. просмотров, китайская версия была заблокирована². Тем не менее большинство китайских экспертов сходилось во мнении, что страна ни при каких обстоятельствах не должна оказаться в том экономическом и внешнеполитическом положении, в котором сегодня находится Россия. Подобное восприятие вызвало позитивную реакцию на Тайване: глава Бюро национальной безопасности отметил, что, учитывая российский опыт глобальной изоляции, Пекин вряд ли решится на военную интервенцию по крайней мере в ближайшие два-три года.

К концу марта обозначились новые нюансы китайского подхода. Пекин стремился не сводить все мировые проблемы исключительно к украинскому кризису, концентрируясь на вопросах безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе — прежде всего в Южно-Китайском море и вокруг Тайваня — а также на поиске путей углубления экономического взаимодействия с США и Европейским союзом. Подчеркнув приоритетное значение ЕС для китайской экономики, Си Цзиньпин выдвинул идею сопряжения и синхронизации долгосрочных стратегий развития Китая и Евросоюза. В качестве сигнала Западу прозвучало

¹ China Risks Isolation 'If It Doesn't Distance Itself from Russia'. 2022. *South China Morning Post*. 14 March. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3170421/ukraine-war-china-must-cut-ties-russia-within-weeks-or-become> (accessed 05.07.2025).

² Davidson H. 2022. Chinese Article Urging Country to Cut Ties with Putin Gets 1m Views. *The Guardian*. March 20. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/20/chinese-article-urging-country-to-cut-ties-with-putin-gets-1m-views> (accessed 05.07.2025).

заверение, что Пекин «не будет предпринимать специальных шагов, чтобы помочь России обойти западные санкции», сохраняя при этом «нормальное экономическое сотрудничество с Россией, Украиной и другими странами»³.

Официальная линия Китая по Украине характеризовалась стремлением к «нейтральной сбалансированности». Она сочетала декларативную приверженность Уставу ООН с намёками на понимание российской озабоченности в сфере безопасности. 7 марта Ван И призвал решать ситуацию «хладнокровно и рационально», «не подливая масла в огонь» и «не обостряя противоречия»⁴. Эти формулировки в Китае были восприняты как сигнал нежелания поддерживать западную линию давления на Россию.

11 марта премьер Госсовета Ли Кэцян подтвердил двойную установку: уважение «суверенитета и территориальной целостности всех стран» при одновременном признании «озабоченностей в сфере безопасности»⁵. Практическая роль Китая сводилась к оказанию гуманитарной помощи Украине. Одновременно Ли связывал кризис с динамикой мировой экономики, отмечая, что «введение санкций по Украине отразится на восстановлении мировой экономики и нанесёт ущерб всем сторонам»⁶.

Китайский подход последовательно исключал возможность поддержки нарушений территориальной целостности государств. Эксперты подчёркивали: отсутствуют основания ожидать признания Китаем ДНР или ЛНР прежде, чем соответствующее решение будет принято властями в Киеве. Вместе с тем в сфере безопасности Пекин занимал позицию, благожелательную для Москвы, рассчитывая на встречную поддержку собственных интересов. Особую обеспокоенность вызывало появление «различных группировок» (QUAD, AUKUS), создаваемых США и, по мнению Пекина, способных «породить региональный кризис безопасности на рубежах Китая» — по аналогии с расширением НАТО у российских границ.

Важным контекстом была подготовка к XX съезду КПК, где ожидалось продление полномочий Си Цзиньпина. С одной стороны, это требовало демонстрации стабильности, что исключало «резкие действия наподобие внезапного проведения военной операции в Тайваньском проливе». С другой – Си продолжал подчёркивать стратегическую цель превращения Китая в «могущественное государство», способное защищать «коренные интересы» от внешних посягательств.

³ 'China Says Not Deliberately Circumventing Sanctions on Russia'. 2022. *Reuters*. 2 April. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-says-not-deliberately-circumventing-sanctions-russia-2022-04-02/> (accessed 05.07.2025)

⁴ China Calls for Calmness, Rationality in Resolving Ukraine Crisis: FM. 2022. *Xinhua*. 7 March. URL: <https://english.news.cn/20220307/d58e172555f84125a4bcf9da6b230155/c.html> (accessed 05.07.2025).

⁵ Premier Li Keqiang meets the press: full transcript of Q&A. 2022. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 11 March. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyjh/202405/t20240530_11341610.html (accessed 05.07.2025).

⁶ Ibidem.

В экспертной среде укрепилось представление, что Китай будет «до последней возможности сохранять позицию доброжелательного нейтралитета по отношению к России», отвечая «симметричными шагами на введение западных санкций». Одновременно подчёркивалось: «масштаб западного давления на Россию оказался беспрецедентным», и этот опыт стал уроком для Пекина – страна «недостаточно подготовлена к ограничениям аналогичного масштаба» в случае кризиса в Тайваньском проливе⁷.

Китайские аналитики внимательно изучали российские военные действия. Одни считали, что в случае Тайваня США ограничатся материальной поддержкой Тайбэя, не вводя войска. Другие указывали на различие: у США никогда не было военных обязательств перед Украиной, тогда как в отношении Тайваня действует «стратегическая двусмысленность, допускающая возможность вооружённого вмешательства.

Ключевым уроком кризиса для Пекина стала «важность создания механизмов обеспечения экономической жизнедеятельности в условиях транспортной блокады», прежде всего в сфере морских грузовых перевозок⁸.

II квартал 2022 г.

Во втором квартале 2022 г. позиция Китая по украинскому вопросу сохраняла характер доброжелательного. по отношению к России, нейтралитета и сопровождалась постоянными призывами к мирному урегулированию конфликта. Однако на фоне нарастающего противостояния с США официальные заявления Пекина всё чаще содержали резкие обвинения в адрес Вашингтона, ответственность за эскалацию кризиса возлагалась именно на американскую политику.

Тему «денацификации» Китай не поднимал, исходя из того, что его историческая память связана прежде всего с опытом японского колониализма, а не с европейским нацизмом. В более широком контексте глобальной и региональной динамики позицию Пекина обозначил министр иностранных дел Ван И, подчеркнув, что мировые проблемы не следует сводить исключительно к украинскому кризису.

Примечательно, что позиция китайской молодёжи оставалась неизменной: значительная её часть продолжала выражать поддержку действиям России, проводя прямые аналогии с Тайванем и утверждая, что именно так следовало бы поступить Китаю в отношении сторонников тайваньской независимости.

⁷ Kivlehan-Wise M. & Tsai T. 2025. PRC Lessons Learned from Russia's Invasion of Ukraine: Implications for a Taiwan Conflict. CNA. URL: <https://www.nbr.org/publication/prc-lessons-learned-from-russias-invasion-of-ukraine-implications-for-a-taiwan-conflict/> (accessed 05.07.2025).

⁸ China Is Studying Russia's Sanctions Evasion to Prepare for Taiwan Conflict. 2024. *Wall Street Journal*. 1 December. URL: <https://www.wsj.com/world/china-is-studying-russias-sanctions-evasion-to-prepare-for-taiwan-conflict-5665f508> (accessed 05.07.2025).

Реакция Пекина на возможную эскалацию конфликта, исходя из базовой установки на мирное урегулирование, предполагалась скорее негативной. Тем не менее Китай был готов максимально долго сохранять позицию нейтралитета, включая сценарий полного захвата Украины, учитывая значение России в стратегическом противостоянии с США. Даже в случае прямого столкновения России и НАТО Пекин, по оценкам аналитиков, стремился бы «держаться нейтралитета, но уже между Россией и НАТО»⁹, неизменно призывая стороны к миру.

В то же время китайская дипломатия не исключала возможности корректировки курса. В случае если Пекин сочтёт, что стратегические риски дестабилизации мировой экономики способны нанести серьёзный ущерб китайскому экономическому развитию и, как следствие, социальной и внутривластной стабильности — главному источнику легитимности власти КПК, — он может перейти к более активному требованию прекращения конфликта.

Особое беспокойство вызывали прогнозы российских экспертов о возможном применении Россией тактического ядерного оружия. Китай не мог поддержать такой шаг, опасаясь глобальной дестабилизации, способной подорвать устойчивость власти Коммунистической партии и положение страны в международной системе. Китай ясно обозначал, что он «не вступит в ядерный конфликт»¹⁰. Однако само обсуждение подобного сценария стимулировало «проводимую Китаем политику по расширению и развитию собственного ядерного потенциала». Внимательно анализировалось, «какие стратегические угрозы создаст применение ядерного оружия в Европе для безопасности Китая»¹¹.

В стратегической перспективе Китай не мог пренебрегать риском западных санкций ради укрепления военно-политического партнёрства с Россией. Экономика и технологии Запада имеют для КНР неизмеримо большее значение, чем сотрудничество с Москвой. Поскольку ключевым условием стабильности остаётся сохранение власти Коммунистической партии, именно этот фактор определял подход Пекина к России в условиях возможной эскалации конфликта. Экономическое взаимодействие с Россией не способно заменить связи с западными странами в решении задач модернизации и реализации стратегической

⁹ China's Balancing Act: Neutrality is Preferable to Siding with Russia. 2022. *Reuters*. 29 July. URL: <https://www.uscc.gov/research/chinas-position-russias-invasion-ukraine> (accessed 05.07.2025).

¹⁰ Spokesperson Guo Jiakun's regular briefing. 2025. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 16 June. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/fyrbt/202506/t20250616_11649408.html (accessed 05.07.2025).

¹¹ Scobell A., Singh V. & Stephenson A. 2022. What a Russian Nuclear Escalation Would Mean for China and India. *USIP*. 10 Nov. URL: <https://www.usip.org/publications/2022/11/what-russian-nuclear-escalation-would-mean-china-and-india> (accessed 05.07.2025).

цели превращения Китая в мировую сверхдержаву к середине XXI в. Россия могла быть полезна как военный «друг» в случае нападения на КНР, но даже тогда Пекин «будет полагаться, прежде всего, на собственные ядерные силы»¹².

В экспертных оценках укреплялось понимание, что «основой российско-китайского стратегического партнёрства является антиамериканизм». Однако именно здесь обозначались и расхождения: Москва «выходит из глобализации и видит её затухание», тогда как Пекин «объявляет своей целью развитие глобализации и стремится взять на себя лидирующую роль»¹³.

Вопрос о том, кем Китай является для России в текущих условиях — другом, союзником, сочувствующим партнёром, нейтральным бизнес-партнёром или жёстким переговорщиком и оппонентом, — китайские аналитики предлагали решать в рамках парадоксальной формулы: Китай для России одновременно и каждый из этих типов партнёров, и ни один из них в полной мере¹⁴. В контексте противостояния с США он может рассматриваться как союзник, но лишь постольку, поскольку это усиливает собственные позиции Пекина. В отношениях с Европой и Японией он предстаёт как сочувствующий партнёр, если это способствует реализации китайских интересов. В экономической сфере Китай выступает прежде всего как прагматичный партнёр и жёсткий переговорщик, предоставляющий бесплатно лишь ограниченные формы помощи, например гуманитарную поддержку в чрезвычайных случаях. По украинскому вопросу он сохраняет статус нейтральной стороны. В случае прямого нападения на Китай он может рассматриваться как друг. Наконец, в Центральной Азии и ряде других регионов Пекин нередко оказывается для Москвы неявным, а при определённых обстоятельствах и открытым оппонентом.

В этот же период в китайских социальных сетях, на неофициальных ресурсах, а затем и в официальных военных изданиях активизировались обсуждения российской операции. Свои оценки высказывали военные аналитики и отставные генералы. При этом наиболее критичные комментарии в адрес Москвы, как правило, довольно быстро удалялись из публичного пространства.

Основным направлением этих дискуссий стало стремление извлечь уроки из происходящего и сопоставить их с китайскими реалиями — как во внешнеполитических отношениях с Западом, так и в возможной ситуации вокруг Тайваня. Китайские наблюдатели отмечали, что действия России продемонстрировали

¹² China is Expanding its Nuclear Warhead Stockpile at the Fastest Rate Globally. 2025. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/jun/17/china-nuclear-warheads-weapons-stockpile> (accessed 05.07.2025).

¹³ Lo B. 2023. The Sino-Russian Partnership: Assumptions, Myths and Limits. *IFIR*. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/bobo_lo_russia_china_mars2023.pdf (accessed 05.07.2025).

¹⁴ Sun Y. 2022. China's Strategic Assessment of Russia: More Complicated Than You Think. *War on the Rocks*. 4 March. URL: <https://warontherocks.com/2022/03/chinas-strategic-assessment-of-russia-more-complicated-than-you-think/> (accessed 05.07.2025).

определённые просчёты: не в полной мере были задействованы политико-дипломатические механизмы урегулирования и недооценена степень консолидации Запада. В результате западные страны сумели выработать единую линию поведения, что стало дополнительным вызовом и для Китая, даже при сохранении политики доброжелательного нейтралитета. Кроме того, попытка Москвы остановить расширение НАТО, по мнению аналитиков, имела обратный эффект — Финляндия и Швеция приняли решение о вступлении в альянс.

В центре обсуждений оказалась констатация того, что Россия не добилась быстрой победы над Украиной. Этот опыт китайские военные аналитики рассматривали как предостережение: в случае конфликта вокруг Тайваня Запад, вероятнее всего, действовал бы аналогичным образом, предоставляя масштабные разведданные, поставляя вооружения, организуя подготовку военных специалистов, усиливая санкционное давление и добиваясь экономической изоляции Китая¹⁵.

В этих условиях в экспертной среде высказывалось предположение, что возможные действия Китая в отношении Тайваня должны носить более решительный характер, чем шаги России на украинском направлении, чтобы минимизировать потенциальные преимущества Тайваня. Подобная линия рассматривалась как способ сдерживания внешних акторов от прямого вовлечения в конфликт.

Особое внимание уделялось важному уроку украинского кризиса: России, а значит, потенциально и Китаю, не удалось полностью избежать уличных боёв и сопутствующих им жертв среди мирного населения. Этот опыт демонстрировал, что возможная оккупация Тайваня может оказаться крайне сложной задачей, сопряжённой с серьёзными рисками для международного имиджа Китая и для общей стабильности международной обстановки¹⁶.

В то же время звучали предостережения о том, что не следует питать иллюзий относительно восприятия китайских военных на Тайване: местное население вряд ли будет рассматривать их как освободителей. Кроме того, у Тайваня имеются значительные ракетные силы, способные наносить удары по территории КНР.

В военно-технической плоскости акцент делался на необходимости ускоренного развития флота, создании современных дронов с элементами искусственного интеллекта, а также разработке национального аналога «космического интернета» Starlink, который уже продемонстрировал значительное влияние на характер современных вооружённых конфликтов.

¹⁵ 中国军事分析师正在从俄罗斯在乌克兰的失败中，吸取哪些教训？. 2023. CAUS. 2 апреля. URL: <https://caus.com/all-articles/news/105967/> (accessed 05.07.2025).

¹⁶ Fravel M.T. 2023. China's Potential Lessons from Ukraine for Conflict over Taiwan. MIT Security Studies Program. URL: <https://ssp.mit.edu/publications/2023/china-s-potential-lessons-from-ukraine-for-conflict-over-taiwan> (accessed 05.07.2025).

В одной из публикаций (впоследствии удалённой) известный генерал, ветеран китайско-вьетнамской войны, указывал, что российская операция в Украине столкнулась с рядом трудностей: тактические решения не всегда отличались достаточной гибкостью, а в стратегическом плане была недооценена масштабная реакция Запада.

В целом военные аналитики сходились во мнении, что Пекину необходимо самым серьёзным образом изучить российский опыт, выявить допущенные просчёты и скорректировать собственную стратегию. Китайские эксперты также отмечали, что украинский кризис укрепил позиции США в АТР и позволил Японии постепенно отходить от пацифистских ограничений, включая снятие запрета на экспорт тяжёлых вооружений.

III квартал 2022 г.

Во второй половине 2022 г. украинская тематика продолжала занимать центральное место в китайско-американских отношениях. Вопрос о присоединении к России четырёх украинских территорий не изменил исходной позиции Пекина. Китайское руководство воздержалось при голосовании в ООН по соответствующей резолюции, подтвердило Киеву свою неизменную линию о недопустимости нарушения суверенитета и осудило «гегемонию одной страны в этом вопросе», но при этом не поддержало решение Москвы о включении новых территорий в состав Российской Федерации.

Министр иностранных дел КНР Ван И в характерной для Пекина сдержанной манере заявил: «Китай не будет стоять в стороне, но и не будет подливать масла в огонь»¹⁷. Эта формула стала квинтэссенцией китайской дипломатической линии: оставаться над схваткой, избегая прямого вовлечения в конфликт, но при этом не отталкивать ни одну из сторон.

Тем временем в США и Китае начали проявляться новые оттенки экспертных дискуссий о значении украинского кризиса. Американские аналитики всё настойчивее подчёркивали: по мере затягивания военных действий Пекину будет «всё труднее держать нейтралитет» без ущерба для китайско-американских отношений и глобального имиджа КНР.

Китайские военные аналитики, оценивая углубляющееся военно-политическое сотрудничество с Москвой, включая совместные учения, выражали осторожность. Отмечалось, что расширение подобных форматов может привести к «дальнейшему ухудшению отношений с США»¹⁸, поскольку Вашингтон будет воспринимать их как косвенную военную поддержку России.

¹⁷ China's FM Wang Yi Paves Way for Xi with Diplomatic Blitz. 2022. *ThinkChina*. 26 September. URL <https://www.thinkchina.sg/politics/chinas-fm-wang-yi-paves-way-xi-diplomatic-blitz> (accessed 05.07.2025).

¹⁸ Joint Military Exercises Signal Deepening Russia-China Strategic Alignment. 2025. *MERICCS*. 7 May. URL: <https://merics.org/en/comment/joint-military-exercises-signal-deepening-russia-china-strategic-alignment> (accessed 05.07.2025).

На этом фоне особое внимание привлекло выступление Генри Киссинджера в начале октября 2022 г. По его оценке, Си Цзиньпин, предоставив Путину определённый карт-бланш и сделав ставку на стратегическое партнёрство с Россией, рассчитывал на быстрый успех Москвы на украинском направлении. Однако в условиях затяжного конфликта, отмечал Киссинджер, Китаю становится всё труднее поддерживать формат партнёрства без границ, не сталкиваясь с серьёзными стратегическими рисками для собственных геополитических планов и отношений с США. Исходя из этой логики, он прогнозировал, что после XX съезда КПК Си может скорректировать курс в отношении России и активизировать диалог с Вашингтоном.

IV квартал 2022 г.

К концу 2022 г. в политике Пекина по украинскому вопросу начали проявляться новые акценты, связанные с попытками хотя бы частично нормализовать отношения с США и тем самым укрепить собственные позиции в глобальной политике. Постепенно складывалось впечатление, что Китай стремился формировать образ державы, способной удерживать Россию от применения ядерного оружия и претендующей на роль ведущего посредника в урегулировании конфликта.

Ряд китайских и гонконгских экспертов всё чаще отмечал, что по мере затягивания противостояния растут ожидания охлаждения российско-китайских отношений. Логика подобных опасений была связана с тем, что, по их мнению, Россия не сможет достичь военных целей без привлечения ядерного фактора, тогда как Китай категорически возражает против такого шага. Даже ограниченное применение тактического ядерного оружия, по оценкам Пекина, резко повысило бы риск глобальной войны, в которую в конечном итоге может быть вовлечён и сам Китай, а также нанесло бы серьёзный удар по мировой экономике и подорвало бы тот международный порядок, в рамках которого КНР последовательно укрепляет свои позиции. Именно поэтому Пекин настойчиво подчёркивал необходимость дипломатического урегулирования — эта мысль звучала и в телефонном разговоре Си Цзиньпина с российским президентом.

При этом, как указывали аналитики, в стратегическом видении будущего Украины позиции Москвы и Пекина расходятся. Россия исходит из необходимости признания новых геополитических реалий, тогда как Китай делает акцент на принципе сохранения территориальной целостности Украины. Несмотря на отсутствие их прямого акцентирования в официальных заявлениях, данные расхождения продолжают играть роль внутреннего сдерживающего элемента китайской внешней политики.

В экономике также накапливались сложности. Крупные китайские корпорации, опасаясь вторичных санкций, продолжали сворачивать деятельность на российском рынке. Характерным примером стал уход Huawei. Тем не менее в военно-политической сфере обе страны демонстрировали развитие «всеобъемлющего стратегического партнёрства». Китай активно использовал

совместные военные учения с Россией в АТР как элемент балансирования военной активности США, которые всё активнее привлекали потенциал союзников – Японии, Южной Кореи и Австралии.

Имидж Пекина как миротворца, стремящегося удержать Россию от использования ядерного оружия, был, по-видимому, призван сблизить позиции Китая и США и создать дополнительные возможности для взаимодействия КНР с другими центрами силы. При этом Пекин избегал открытого перехода на антироссийские позиции, поскольку такой шаг мог бы нанести серьёзный ущерб двусторонним отношениям с Москвой. Вместе с тем критики подчёркивали, что до реального посредничества ещё далеко: для этого отсутствует ключевое условие – готовность сторон конфликта к переговорам.

В начале января 2023 г. в западных СМИ, по всей видимости, с подачи Пекина появилась новая версия событий, предшествовавших началу специальной военной операции. Сообщалось, что ещё 4 февраля 2022 г., во время встречи в Пекине, российский президент предупреждал Си Цзиньпина о возможности применения военной силы в случае угрозы безопасности со стороны Украины. По утверждениям китайских источников, этому тогда не придали особого значения и не ожидали, что операция примет столь продолжительный и разрушительный характер. Подобная трактовка, вероятно, была призвана смягчить западное восприятие роли Китая: Пекин знал о возможности конфликта, но не предполагал его масштабов.

Так в китайском подходе к Украине оформилась новая «триада» установок:

- знали о возможности начала СВО, но не ожидали её нынешнего масштаба и продолжительности;
- именно Китай, по собственной оценке, удерживает Россию от применения тактического ядерного оружия;
- в перспективе КНР претендует на роль главного миротворца, хотя пока стороны не готовы к посредничеству.

Эта конструкция дополняла исходную линию Пекина:

- вина за конфликт возлагалась на США и НАТО, игнорировавшие интересы безопасности России;
- Китай выступал за сохранение суверенитета Украины и не признавал переход её территорий к России (хотя официально предпочитал обходить данную формулировку);
- единственным приемлемым решением Пекин по-прежнему считал дипломатический путь – пока без конкретных предложений о его реализации.

Экономическое измерение двусторонних отношений продолжало ассоциироваться с так называемым «поворотом России на Восток». Однако в современных условиях более уместно говорить не столько о стратегическом развороте, сколько о вынужденной замене утраченных западных товаров, технологий и инвестиций китайскими аналогами, а также о компенсации потерь на западных рынках для российских энергоносителей за счёт расширения их поставок в Китай.

Если в 2008–2014 гг. «поворот» задумывался как балансировка европейского направления внешнеэкономических связей за счёт комплексного выхода на рынки Китая, Индии, Японии, Южной Кореи и стран АСЕАН, то после введения санкций из этого списка постепенно выпали Япония, частично Южная Корея, а АСЕАН-направление оказалось ограниченным географической удалённостью (за исключением Вьетнама и до недавнего времени Сингапура). Индия же стала заметным партнёром лишь после 2022 г.

По итогам 2022 г. торговые отношения Китая и России выглядели неоднозначно. Общий объём торговли вырос на 29,3%, достигнув 190 млрд долл., главным образом за счёт поставок российских энергоносителей. В иных секторах динамика оставалась неравномерной: в высокотехнологичных отраслях, где риск вторичных санкций был велик (например, микроэлектроника), рост оказался сдержанным; в сферах с меньшими рисками (автомобили, товары массового потребления) замещение западных компаний шло быстрее.

Сам Китай не использует риторику «поворота на Россию»: на долю РФ приходится лишь около 3% внешней торговли КНР. Пекин готов осваивать освободившиеся ниши, но делает это осторожно, избегая санкционных рисков. В энергетике он увеличивает закупки у России, одновременно наращивая взаимодействие с арабскими партнёрами, придерживаясь принципа диверсификации поставок. Эксперты подчёркивают: даже без формального доминирования российские поставки играют важную роль, позволяя Китаю добиваться лучших условий у других поставщиков; их исчезновение могло бы привести к росту цен на ресурсы и ударить по себестоимости китайской продукции.

Тем не менее у политики «поворота на Восток» были и ограничения. Во-первых, качество китайских товаров и технологий, а также сравнительно скромные, «осторожные» объёмы инвестиций в Россию, несопоставимые с утрачиваемыми западными. Во-вторых, дальнейшее расширение китайского экспорта в Россию потребовало бы создания зоны свободной торговли, решение по которой в ближайшее время маловероятно: подобные соглашения чаще всего выгодны китайским экспортёрам готовой продукции, тогда как энергетический экспорт РФ под них, как правило, не подпадает. В-третьих, развитие «поворота на Восток» неизбежно вступает в конкуренцию с политикой импортозамещения: укрепление одного направления замедляет другое.

В этих условиях перед Россией встала задача поиска баланса между двумя векторами: самостоятельным производством утраченных на Западе товаров и технологий и их замещением китайским импортом.

I квартал 2023 г.

Начало 2023 г. поставило перед Пекином новые внешнеполитические вызовы концептуального характера. После мартовского визита в Москву Си Цзиньпин заявил, что в мире происходят изменения, «которых не было сто лет». По неофициальным данным, в Китае была начата работа над корректировкой

внешнеполитической концепции КПК – своеобразным ответом на эти трансформации. Итогов пока не представлено, однако уже можно предположить, что ключевыми вопросами станут: определение роли антиамериканизма в политике КНР; отношение к России в контексте закреплённого в новой российской внешнеполитической доктрине «экзистенциального» противостояния с «коллективным Западом»; а также выстраивание баланса в отношениях с США.

С китайской точки зрения всё отчётливее проявляется несоответствие стратегических целей Москвы и Пекина. Китай не рассматривает Запад как врага, от которого необходимо изолироваться; напротив, США и ЕС воспринимаются одновременно как конкуренты и как ключевые партнёры, сотрудничество с которыми требуется для решения как собственных, так и глобальных задач. Эту установку подтверждает мартовская инициатива Си Цзиньпина о «Глобальной цивилизации» – развитие более ранней концепции «сообщества единой судьбы человечества». В сочетании с российской идеей о «самобытной стране-цивилизации» это может стать источником концептуальных расхождений между двумя державами.

В экспертной среде КНР обозначились две возможные рамки, в пределах которых будут развиваться российско-китайские отношения. Первая – глобалистская, опирающаяся на китайские представления о «единой судьбе» и интегрированной мировой системе. Вторая – объединяющая, базирующаяся на совпадении позиций в неприятии «американского диктата» во внутреннем развитии и международных делах. При этом Пекин не разделяет российскую установку, согласно которой «коллективный Запад» стремится уничтожить Россию: с точки зрения китайского руководства, подобное восприятие повышает риск втягивания КНР в войну, что противоречит линии на «соперничество и сотрудничество» с Западом¹⁹.

В практическом измерении Китай не поддерживает ни планов размещения российского ядерного оружия в Беларуси, ни тем более его возможного применения. Как и в ситуации с СВО, Пекин избегает открытого осуждения, но через официального представителя МИД напоминает о договорённости пяти ядерных государств 2022 г. не размещать ядерное оружие за пределами национальной территории, а также о приверженности дипломатическим методам урегулирования.

Сочетание факторов – развитие «гибридной войны» между Россией и Западом, её «экзистенциальная» трактовка Москвой, потенциальное вовлечение Китая в нежелательные для него конфликты, а также вопросы глобальной

¹⁹ Guihai G. 2024ю A Chinese Scholar's Perspective on the Russia–Ukraine War. *Council on Foreign Relations*. 1 April. URL: <https://www.cfr.org/councilofcouncils/global-memos/chinese-scholars-perspective-russia-ukraine-war> (accessed 05.07.2025).

безопасности и ядерного сдерживания – стимулировало в китайской аналитической среде более жёсткий взгляд на Россию. Тем не менее курс на углубление двустороннего сотрудничества, включая антиамериканское измерение, сохранялся.

На вопрос о том, как изменятся российско-китайские отношения в случае улучшения отношений КНР и США, китайские эксперты отвечали уклончиво. Вместе с тем всё чаще стали звучать идеи о так называемой «большой сделке» Пекина и Вашингтона, охватывающей торгово-экономическую и научно-техническую сферы, урегулирование региональных конфликтов (Северная Корея, Украина), вопросы ядерного сдерживания и элементы нового мироустройства, о которых Си упоминал после визита в Москву.

Первый сигнал возможной коррекции курса прозвучал в начале апреля: посол КНР в ЕС Фу Цун, накануне встречи Си Цзиньпина с президентом Франции и главой Еврокомиссии, заявил, что формула о «дружбе без границ» является риторической фигурой, что Пекин не поддерживает действия России на Украине и не оказывает ей помощи в этом конфликте. В Москве это вызвало раздражённую реакцию: пресс-секретарь президента РФ Д. Песков напомнил о подписанных в ходе саммита документах как о свидетельстве уровня отношений.

Вскоре на апрельском саммите с Эмманюэлем Макроном Си предложил Парижу выработать собственный план урегулирования по Украине, который Китай готов поддержать, понимая, что в подобном документе, вероятно, будут содержаться как осуждение СВО, так и требование вывода российских войск. Этот шаг можно трактовать как ироничный ответ на критику китайского мирного плана: «не нравится наш – предложите свой».

Таким образом, в условиях противостояния с США Пекин продолжал использовать партнёрство с Россией как инструмент давления на Вашингтон, а в украинском кризисе – как возможность набрать политические очки, позиционируя себя в роли потенциального посредника, не отказываясь при этом от риторики «всеобъемлющего стратегического партнёрства».

Весной 2023 г. Москва и Пекин оказались в центре мирового внимания: государственный визит Си Цзиньпина стал первым зарубежным визитом китайского лидера после его переизбрания на пост Председателя КНР. Уже сам этот факт придал поездке особый символизм. В китайской логике это был мощный сигнал – демонстрация того, что Россия сохраняет особое место в системе внешнеполитических приоритетов Пекина.

С точки зрения Китая, визит достиг ряда целей. Он позволил подтвердить «стратегическое партнёрство» с Москвой, усилив давление на Вашингтон. В совместных заявлениях прозвучали жёсткие оценки американского гегемонизма, расширения активности НАТО в Азиатско-Тихоокеанском регионе, планов AUKUS, японских намерений по захоронению ядерных отходов и американских манёвров вокруг Тайваня. В двусторонней плоскости был представлен пакет новых экономических проектов на рекордную сумму в 160 млрд долл., а также объявлено о наращивании военно-технического сотрудничества.

Украинская тема также заняла своё место в повестке, хотя и без сенсаций. Китай сохранил позицию «дружественного нейтралитета»: не осудил СВО, но и не поддержал Россию. Для Пекина визит стал подтверждением того, что он способен поддерживать открытый канал общения с Москвой, не закрывая дверь и для диалога с Западом.

Однако в одном важном аспекте – роли миротворца – визит оказался скорее неудачным. Китайский 12-пунктный план урегулирования конфликта, который в Пекине рассчитывали представить как дипломатическую инициативу мирового уровня, в Москве был воспринят сдержанно и назван «основой для будущих усилий»²⁰. Украина отвергла документ ещё до приезда Си, указав на отсутствие ключевого для неё пункта – вывода российских войск. На Западе план также встретили с подозрением, увидев в нём «пророссийский уклон».

Сам документ оказался неоднородным. В нём содержались правильные, но чрезмерно общие гуманитарно-экономические положения – о недопущении гуманитарного кризиса, восстановлении цепочек поставок, сохранении «зерновой сделки». Присутствовали и завуалированные сигналы обеим сторонам: критика поставок вооружений Украине и недопустимость применения тактического ядерного оружия. Главным же пунктом было требование соблюдения «суверенитета» и «территориальной целостности» всех сторон. Именно здесь китайская дипломатическая логика «быть над схваткой» дала сбой: для Киева это означало восстановление границ 1991 г., а для Москвы – закрепление за Россией Крыма и четырёх регионов, присоединённых в 2022 г.

В итоге миротворческая инициатива, задуманная как универсальная и гибкая, оказалась в ловушке несовместимых трактовок. Это стало ещё одним напоминанием для китайской внешнеполитической мысли: в «мире перемен, которых не было сто лет», как выразился Си Цзиньпин, необходимо разрабатывать новые, более тонкие концепции, если Пекин действительно намерен претендовать на роль глобального посредника.

II квартал 2023 г.

Весной и летом 2023 г. официальная позиция Китая по украинскому кризису принципиально не изменилась. Пекин по-прежнему не осуждает Россию, но и не поддерживает её действия напрямую; выступает за дипломатическое урегулирование и одновременно настаивает на необходимости «соблюдения суверенитета» и «территориальной целостности» государств.

²⁰ Putin says Chinese proposal could be basis for peace in Ukraine. 2023. *Reuters*. 21 March. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russia-wants-chinese-business-replace-western-firms-putin-tells-xi-2023-03-21/> (accessed 05.07.2025).

В этот период усилилась посредническая составляющая китайской дипломатии. В мае специальный посланник по делам Евразии, замминистра иностранных дел Ли Хуэй – бывший посол в Москве, свободно владеющий русским языком и имеющий репутацию доброжелательного к России дипломата, – совершил турне по Киеву, Варшаве, Берлину, Парижу и Москве. Его миссия заключалась в продвижении китайского «плана урегулирования из 12 пунктов». На встречах он настаивал, что корни конфликта – в «тяжёлых противоречиях сторон по вопросам безопасности», которых можно было избежать. Главной задачей, по его словам, является недопущение эскалации и отказ от шагов, которые «подливают масло в огонь», – прежде всего от поставок Западом вооружений Украине, способных, по оценке Пекина, спровоцировать применение Россией тактического ядерного оружия.

Посредническая активность, однако, не дала ощутимых результатов. В экспертной среде КНР звучали оценки, что дипломатия Си Цзиньпина и его ближайшего советника Ван И во многом носит демонстративный характер: Пекин не в состоянии примирить стороны, чьи установки – вывод российских войск для Киева и признание «новых реалий» для Москвы – остаются несовместимыми. Тем не менее логика «оставаться над схваткой» и наращивать репутацию посредника, подкреплённая успехом нормализации отношений между Саудовской Аравией и Ираном при посредничестве Китая, предопределяла приоритет образа «миролюбивого и нейтрального» игрока в глазах Запада над немедленным результатом.

В уточнённом варианте официальная линия выглядела так: не осуждать Россию, не поддерживать её прямо и акцентировать собственную посредническую роль. Этот курс являлся ответом на усиливающееся давление Запада, требовавшего от Китая однозначного осуждения СВО.

Параллельно Пекин пошёл на ряд частичных уступок. Некоторые крупные китайские корпорации начали сворачивать сотрудничество с Россией из-за угрозы «вторичных санкций». Китай увеличил гуманитарную помощь Украине через международные организации, а Ли Хуэй публично заверил Киев, что «Китай не оставит Украину».

Отдельным направлением стала попытка развести отношения с Европой и с США. В мае министр иностранных дел Цинь Ган в контактах с европейскими коллегами подчёркивал, что Китай и ЕС – партнёры и должны «вместе противостоять вызовам безопасности», поддерживать глобализацию, координировать экономическую политику и откровенно обсуждать политические озабоченности. В Пекине позитивно оценили смещение европейской риторики от «декаплинга» к «дерискингу». Китай стремился убедить Брюссель, что в украинском сюжете главную ценность имеет не осуждение Пекином России, а его посредническая активность, одновременно укрепляющая китайско-европейский диалог.

В отношениях с США Пекин исходил из более широких стратегических рамок – глобального соперничества и тайваньского вопроса. В противовес американскому давлению, в том числе по украинской теме, Китай делал ставку

на продолжение экономического взаимодействия с Россией и на углубление военного сотрудничества. В мае-июне состоялись совместные манёвры, включая патрулирование воздушного пространства в Северо-Восточной Азии. В Москве прошла рабочая встреча представителей МИД и оборонных ведомств по проблематике противоракетной обороны, которую в Китае трактовали как ответ на стратегию США по развитию глобальной ПРО.

В китайской экспертной среде закрепилось мнение, что Москва рассматривает Пекин как ключевую внешнеполитическую опору в противостоянии с Западом. Это обеспечивало Китаю пространство для гибкости: он мог частично сворачивать бизнес в России, выводя его из-под санкционных рисков, или запускать форматы без участия Москвы – например, «Китай плюс пять стран Центральной Азии» – без существенного ущерба для двусторонних отношений.

Во второй половине весны – начале лета 2023 г. наметился сдвиг общественных и экспертных настроений в Китае относительно Украины. Если в первые месяцы СВО в интеллектуальной элите при официальном курсе «доброжелательного к России нейтралитета» преобладали пророссийские симпатии, нередко сопрягаемые с тайваньской проблематикой («Россия – молодец!», «и нам надо так!»), то теперь, по наблюдениям китайских политологов, закрепилось отношение «ни за Россию, ни против». При этом всё чаще добавляли: «Украина во многом мешает нормализации отношений Китая с Западом».

Признаком перелома стала дискуссия на июньской конференции Народного университета Китая и Китайской академии общественных наук. Ведущие эксперты, связанные с российскими коллегами, констатировали, что конфликт на Украине подрывает стратегическую «дружбу без границ», поскольку Китай «не признает присоединения к России украинских земель». Отмечалось также, что из-за Украины США склонны рассматривать Россию и Китай как «единое целое», что «вредит более широким китайским интересам» и курсу Пекина на глобализацию.

В формулируемом «новом консенсусе» звучали тезисы: «не союз», «не конфликт», «не угроза Западу». Утверждалось, что «Россия использует Китай к своей выгоде в конфликте с Западом», тогда как КНР несёт репутационные и экономические издержки, поскольку Запад видит в ней союзника Москвы. Одновременно признавалось: «затянувшийся конфликт на Украине ослабляет Россию» – и это «стратегически выгодно Китаю». Но многие эксперты сомневались, что этот «плюс» перевешивает «минусы» политики «доброжелательного к России нейтралитета», связанные с ухудшением отношений с Западом²¹.

²¹ 王毅 2025. 中国不是这场危机的制造者... 我们没有隔岸观火... [Wang Yi: "China Is Not The Creator of This Crisis... China Did Not Stand by on the Sidelines..."]. Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. 15 February. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjzb_673089/xghd_673097/202502/t20250215_11555646.shtml (accessed 05.07.2025).

Аналитики также подчёркивали: в противостоянии с Россией и Китаем США «укрепляются своими друзьями в Азии: Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Филиппины». Следовательно, и Китаю необходимо расширять международную базу поддержки, «не заикливаясь на одной России». Сохраняло значение и военное взаимодействие с Москвой – «военные манёвры, совместное воздушное патрулирование, сотрудничество по ПРО» – как инструмент балансирования американской активности, но оно «не должно вести к военной поддержке действий России на Украине», поскольку «Запад, из-за России всё чаще обвиняет Китай», а это «вредит позициям Китая на мировой арене».

Итоговая формула дискуссий сводилась к следующему: Китаю целесообразно сохранять позицию «над схваткой», укрепляя собственные международные позиции за счёт равноудалённости от России и США и признавая, что украинский кризис продемонстрировал пределы концепции «сотрудничества без границ». В экспертных обсуждениях также высказывалось мнение, что отказ Москвы принять китайский план урегулирования мог быть воспринят Пекином как проявление недостаточной готовности к координации, в связи с чем Си Цзиньпин вынужден искать новые варианты манёвра между российским и западным направлениями.

Двухуровневый подход проявился и в реакции на инцидент с «Вагнером». Официальный Пекин долго сохранял молчание и лишь 25 июня, после визита российского замминистра иностранных дел, МИД КНР опубликовал краткое заявление: «произошедшее – внутреннее дело России». Между тем в китайских соцсетях развернулись оживлённые обсуждения. Ключевыми темами стали устойчивость политической ситуации в России, возможное влияние событий на китайско-российские отношения и на ход СВО.

Комментарии в китайских дискуссиях нередко носили критический характер. Указывалось, что события, связанные с «Вагнером», могут рассматриваться как проявление кризисных явлений в российской армии, вызванных затянувшимся характером боевых действий. Подчёркивалось также, что отсутствие значимых военных успехов чревато внутренними социальными трудностями. Для Китая в контексте Тайваня из этого делался вывод: поражение на фронтах может иметь прямые последствия для внутривнутриполитической стабильности. Звучали и более жёсткие оценки, ставившие под сомнение способность российской армии эффективно вести военные действия и достигать поставленных целей.

В оценках перспектив двусторонних отношений мнения разделились. Одни наблюдатели полагали, что события вокруг «Вагнера» не окажут существенного влияния на стратегическое партнёрство. Другие отмечали, что кризисные явления в российской армии и обществе, а также неопределённость развития ситуации на Украине и внутри самой России формируют для Китая новые стратегические вызовы, включая вопросы о будущей конфигурации российско-китайских отношений.

III квартал 2023 г.

Политика Китая в отношении России в этот период развивалась в двух основных плоскостях. Первая – восприятие России как военно-политического партнёра в условиях китайско-американского стратегического соперничества. Вторая – собственно китайско-российские отношения на фоне украинского кризиса. Обе линии имели автономную динамику: Пекин сознательно избегал жёсткой увязки событий в одном направлении с событиями в другом.

По первому направлению Китай активно использовал потенциал «российского крыла» своего антиамериканского «фронта» для балансирования политики США в АТР. Вашингтон укреплял военное сотрудничество с Японией и Южной Кореей, а также вовлекал европейское крыло НАТО в сдерживание Китая в Азии. В ответ Пекин делал ставку на российский фактор. Показательными стали масштабные июльские военно-морские манёвры России и Китая в Японском море, в ходе которых отрабатывались задачи обеспечения безопасности торговых коридоров, а также августовский визит министра обороны КНР Ли Шанфу в Москву и Минск. Последний демонстрировал формирование своеобразного «треугольника» Китай – Россия – Беларусь как военного противовеса «треугольнику» Вашингтон – Сеул – Токио.

По второму направлению выделялось несколько нюансов. Во-первых, наблюдалось снижение интереса китайских аналитических и политических кругов к теме СВО как таковой. Позиция Пекина оставалась неизменной: Китай не осуждает Россию, но и не признаёт её юрисдикцию над территориями, перешедшими от Украины. Пекин продолжал критиковать США за «подливание масла в огонь конфликта» и «гегемонизм» в международных делах, выступая за дипломатическое урегулирование и претендуя на посредническую роль. Одновременно становилось всё очевиднее, что в обозримой перспективе конфликт неразрешим, а китайские инициативы урегулирования не могут принести быстрых результатов.

Во-вторых, окончательно закрепились установка Пекина на развитие отношений с «недружественными» России странами – строго исходя из собственных интересов и без учёта ухудшения их связей с Москвой. Показательными стали визиты в Китай высокопоставленных представителей США – госсекретаря, министров финансов и торговли, представителя президента по климату, а также сентябрьские переговоры с ЕС, Германией и Италией по вопросам экономики и безопасности. Символичным был визит южнокорейского премьера Хан Док Су к Си Цзиньпину: обсуждалось восстановление производственных цепочек, визит Си в Сеул к концу 2023 г. и подготовка трёхстороннего саммита Китай – Япония – Республика Корея для формирования новой зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии.

В-третьих, Китай расширял экономическое сотрудничество с Украиной. В июле Пекин посетил заместитель министра экономики Украины Т. Качка – первый визит подобного уровня с начала СВО. Китай обещал увеличить импорт, развивать технологическое взаимодействие и двигаться к созданию зоны свободной торговли, углубляя «стратегическое партнёрство». В обмен Пекин требовал гарантий безопасности для китайского персонала и собственности. Политическая проблематика намеренно обходилась. Китайские аналитики отмечали, что визит продемонстрировал «готовность сторон развивать сотрудничество в традиционных областях в сложных политических условиях».

В-четвёртых, летом в Шанхае состоялась дискуссия экспертов из ведущих исследовательских центров КНР, выявившая новый ракурс анализа китайско-американских отношений – через призму российского антиамериканизма, который в Китае считают главной основой современной российской внешней политики.

Основные тезисы сводились к следующему:

- антиамериканизм оказывает мощное влияние на русскую политическую культуру, пробуждая «ксенофобию и изоляционистские настроения» и проявляясь каждый раз, когда Россия «меняет свою политику экономических реформ и модернизации на поддержание внутривнутриполитической стабильности»;
- Россия ощущает себя европейской страной, что долго признавалось Западом, – отсюда «внутренний конфликт» её антизападных настроений;
- «постимпериалистическая» Россия строит самоидентификацию по контрасту с США, называя Америку «морально деградировавшим и коррумпированным обществом»;
- антиамериканизм используется как политический инструмент для «внутренней легитимности Кремля» и для формирования «глобального антиамериканского лагеря»;
- одновременно он представляет собой «обоюдоострый меч», способный «разрушить русскую национальную идентичность» и подорвать экономическое развитие;

По мнению китайских аналитиков, антиамериканизм действительно является основой сближения Китая и России. Однако если для Москвы он приобрёл «невозвратный» характер, то для Пекина он остаётся «возвратным»: Китай стремится к нормализации отношений с США и Западом. Отсюда следовала рекомендация: использовать российский антиамериканизм как инструмент давления на Запад, но не «чрезмерно сближаться» с ним, чтобы не оказаться в глазах Запада «единым целым с Россией», что «мешает» собственным усилиям Китая по улучшению отношений.

В то же время подчёркивалось: учитывая «глубинные европейские корни российской идентичности», в будущем российский антиамериканизм может перестать быть «невозвратным». В таком случае, предостерегали китайские эксперты, Пекин рискует оказаться «самой антиамериканской страной» в мире, что создаст новые ограничения для его экономики и внешней политики.

IV квартал 2023 г.

В конце 2023 г. в отношениях с Россией Пекин особо подчёркивал ряд достижений. Среди них выделялось «военное сотрудничество, включая совместное воздушное патрулирование прилегающих к Японии и Южной Корее пространств СВА». При этом китайская дипломатия последовательно настаивала, что КНР «не оказывает военной помощи России в СВО», сохраняя позиции «нейтралитета, дипломатического посредника и миротворца». Одновременно Пекин дистанцировался от «обвинений» Запада в стремлении создать военный союз Пекин – Москва – Пхеньян, вновь подчёркивая приоритетность двусторонних связей как с Россией, так и с КНДР.

Вторым важным акцентом стали визиты российского руководства: в октябре – визит президента России в Пекин, а в декабре – визит премьер-министра в Китай. На переговорах фиксировался рост товарооборота, впервые превысившего отметку в 200 млрд долл., расширение поставок российских энергоносителей, подписание нового соглашения об экспорте зерна на сумму 25 млрд долл. и переход «90% двусторонней торговли на национальные валюты».

В новогоднем послании Си Цзиньпин подвёл символическую черту под итогами года, охарактеризовав отношения с Россией как «сохраняющие здоровое и стабильное развитие».

Вместе с тем в китайском экспертном дискурсе обозначились новые акценты в понимании российской проблематики. Если ранее обсуждения концентрировались на «уроках СВО для Китая» или на анализе «характера российского антиамериканизма», то к концу года внимание сместилось в экономическую сферу – к вопросу: «что полезного для себя Китай может заимствовать из российского опыта преодоления западных санкций».

Основные идеи этих дискуссий сводились к трём положениям:

- Китаю важно на случай «критического обострения отношений с Западом» сохранять активы и производственные мощности национальных компаний внутри страны;
- необходимо заранее выстраивать «цепочки поставок» сырья и товаров в рамках национальной экономики;
- следует расширять инвестиционное присутствие и торговлю с незападными странами.

Однако такие предложения не остались без критики. По мнению ряда аналитиков, в случае войны с США и полного разрыва отношений с Западом подобные меры окажутся малоприменимыми. Во-первых, Китай сможет опереться лишь на ограниченный круг стран, которые сами находятся в конфликте с США. Во-вторых, ставка исключительно на внутреннюю экономику противоречит стратегической концепции «двойной циркуляции», предполагающей функционирование пусть ограниченного, но экспортного сектора, а также внешнюю инвестиционную экспансию в рамках инициативы «Пояс и путь».

В-третьих, в условиях реальной войны китайская экономика будет переведена на «военные рельсы», и тогда её оценка и анализ в рыночных категориях «станет невозможным».

I квартал 2024 г.

В начале 2024 г. Китай продолжал рассматривать стратегическое партнёрство с Россией как ключевую опору в противостоянии с США. Пекин последовательно «не приемлет американского давления по Украине», разводя по разным «дипломатическим углам» украинскую проблематику и собственно китайско-российские военно-политические отношения. Взаимный товарооборот за 2023 г. достиг 240 млрд долл., что вывело Россию на шестое место среди торговых партнёров КНР – после АСЕАН, ЕС и США, значительно опережающих, но лишь немного опередивших Японию и Южную Корею.

В то же время уже в начале 2024 г. стали заметны определённые «мягкие» расхождения в двустороннем взаимодействии, касавшиеся ряда важнейших вопросов безопасности и сотрудничества. Они квалифицировались как «мягкие», поскольку стороны стремились не акцентировать их публично, делая упор на совпадающих позициях – прежде всего на антизападной и антиамериканской направленности политики.

Первым проявлением таких расхождений стала инициатива Китая, выдвигнутая в конце февраля 2024 г. и адресованная странам «ядерного клуба»: предложение заключить договор о неприменении ядерного оружия первыми. Эта идея расходилась с российской доктриной, допускавшей возможность использования ядерного оружия в случае применения против России обычных вооружений, угрожающих её государственности. Реакция МИД России была предельно осторожной: прозвучало, что «любые меры в ядерной сфере рассматривать в комплексе», что «Россия уважает инициативы Китая», но «любые предложения в сфере международной безопасности надо рассматривать в общем контексте военно-политических реалий, учитывая другие факторы»²².

Вторым примером «мягкого» несовпадения стало заявление Си Цзиньпина в телефонном разговоре с Джо Байденом 2 апреля 2024 г. Китайский лидер подчеркнул, что урегулирование украинского кризиса должно быть достигнуто «не военным путём, а за столом переговоров» и что в нём «не должно быть ни победителей, ни побеждённых»²³.

²² МИД ответил на инициативу Китая по ядерному оружию. 2024. RBC. 11 March. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/03/2024/65eed6959a7947073099a087> (accessed 05.07.2025).

²³ 'Foreign Ministry Spokesperson Wang Wenbin's Regular Press Briefing'. 2024. Ministry of Foreign Affairs PRC. 2 April. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/lxjzh/202405/t20240530_11347730.html (accessed 05.07.2025).

Третьим моментом стало распространённое в российской дипломатической среде, хотя и неофициально выражаемое, сомнение относительно перспектив китайских усилий по нормализации отношений с ЕС и США, которые нередко характеризовались как чрезмерно оптимистичные.

Четвёртый фактор был связан с экономикой: в начале года риски так называемых вторичных санкций — прежде всего в отношении крупных китайских финансовых институтов, имеющих значительное присутствие на западных рынках, — стали всё ощутимее ограничивать динамику российско-китайского сотрудничества.

Пятый элемент «мягких» расхождений касался академического и экспертного взаимодействия: китайские учёные всё чаще предпочитали воздерживаться от поездок в Россию, по-видимому, по тем же причинам, что и бизнес, — во избежание осложнений в контактах с США.

Подобные расхождения пока не умаляли стратегической значимости России для Китая как фактора в противостоянии с США. Однако в долгосрочной перспективе они могли трансформироваться в более весомый источник рисков для процесса согласования стратегических интересов двух стран.

В марте 2024 г. в ходе ежегодной сессии ВСНП наряду с общей задачей завершить модернизацию вооружённых сил к 2027 г. и к 2049 г. превратить Китай в «мировую военную державу» были обозначены и новые акценты. В контексте «уроков Украины» для Китая, особенно в связи с возможным конфликтом вокруг Тайваня, были сформулированы задачи:

- повысить способность страны к военной мобилизации;
- усилить подготовку резервных сил для поддержки боевых и наступательных операций (как отмечали гонконгские аналитики, столь чёткая формулировка прозвучала впервые);
- нарастить потенциал военной промышленности и улучшить координацию в инфраструктурной сфере, связанной с вооружёнными силами.

Эти планы сопровождались прогнозируемым ростом военных расходов в 2024 г. на 7,8%. Особое внимание привлекло выступление премьера Ли Цяня: в его формуле о «воссоединении» с Тайванем отсутствовало слово «мирное». Это вызвало крайне негативную реакцию в Тайбэе. Однако вскоре глава МИД КНР Ван И смягчил ситуацию, вновь подчеркнув традиционный тезис о «мирном воссоединении с Тайванем».

Вторым «украинским нюансом» стало новое китайское предложение о проведении международной мирной конференции по урегулированию конфликта с участием и Киева, и Москвы. Примечательно, что Пекин, по-видимому, перестал продвигать свой 12-пунктный план, ориентированный на двусторонний диалог Москвы и Киева, и внёс новый элемент в свои усилия – акцент на многосторонний международный формат.

II квартал 2024 г.

Будучи официально «дружественной» для России страной, Китай в то же время вынужден учитывать угрозу американских «вторичных санкций», особенно в отношении собственного крупного бизнеса. В результате Пекин пошёл на ограничение сотрудничества с Россией по линии крупных банковских структур, стремясь минимизировать финансовые риски.

Одновременно Китай усилил пропагандистскую составляющую своей политики, стремясь перенести ответственность за украинский кризис на Запад. 27 июня официальный представитель Министерства обороны КНР заявил, что Китай «решительно против» попыток США и их союзников возложить на Пекин вину за происходящее. Более того, по обнародованным китайским данным, «более 60% компонентов вооружений и товаров двойного назначения, импортируемых Россией, поступают из США и других западных стран».

Наиболее заметные изменения в китайской позиции по Украине во втором квартале проявились на экспертном уровне. В партийно-академической среде стало утверждаться мнение, что из-за украинского кризиса Россия постепенно превращается для Китая из союзника в своего рода «обузу», затрудняющую нормализацию китайско-американских отношений.

Большой резонанс вызвала статья профессора Шанхайского университета Шэнь Чжихуа – одного из ведущих китайских специалистов по проблемам Холодной войны, сына высокопоставленного функционера КПК в сфере безопасности. Отталкиваясь от тезиса о том, что бывший СССР «несёт свою долю ответственности за Холодную войну», Шэнь распространил эту логику на современную Россию, интерпретируя «действия России на Украине и на Кавказе» как стремление «вернуть Российскую империю»²⁴. По его мнению, подобная политика Москвы «создаёт угрозы китайской безопасности». При этом он подчёркивал: хотя совпадение антиамериканских интересов остаётся «основой китайско-российского взаимодействия», Китаю «не следует идти на союз с Россией», напротив, важно проводить политику открытости, аналогичную началу реформ, включая выстраивание отношений с США.

Дополнительный нюанс китайской позиции проявился в июньском визите российского президента в Пхеньян, где был подписан договор о взаимной военной помощи в случае нападения на одну из сторон. Официальная реакция Китая была предельно сдержанной: «это касается двусторонних отношений России и КНДР». Однако среди китайских экспертов развернулась дискуссия. Одни расценили договор как инструмент дополнительного давления на США на Корейском полуострове. Другие, напротив, указывали на возникающие для Китая риски.

²⁴ Shen Zhihua: China should stick to non-alignment, avoid new Cold War blocs. 2024. *South China Morning Post*. 13 August. URL: <https://www.sinification.com/p/shen-zhihua-on-avoiding-a-new-cold> (accessed 05.07.2025).

Во-первых, договор усиливает влияние России на Северную Корею и тем самым ослабляет позиции Китая не только на Корейском полуострове, но и в Северо-Восточной Азии в целом.

Во-вторых, вероятность вовлечения России в вооружённый конфликт на Корейском полуострове повышает уровень неопределённости для безопасности КНР, которая сама имеет аналогичный договор с Пхеньяном, но традиционно исходила из того, что будет соблюдать его лишь в случае прямой военной угрозы китайской территории.

В-третьих, в Пекине опасаются, что предоставленные Москвой Пхеньяну гарантии безопасности могут стимулировать Северную Корею к дальнейшему наращиванию ядерного потенциала. Это не только создаёт новые вызовы китайской политике в области нераспространения, но и усиливает расхождения между Пекином и Пхеньяном. Ситуация осложняется тем, что Китай официально выступает за «денуклеаризацию Корейского полуострова», распространяя этот тезис и на северную его часть. Между тем КНДР, изменив в прошлом году конституцию, провозгласила себя «ядерной державой», а собственный арсенал – «основой национальной безопасности». В таких условиях любое требование об отказе от ядерного оружия воспринимается Пхеньяном как вмешательство во внутренние дела и призыв к пересмотру конституционных положений.

III квартал 2024 г.

На фоне поступательного развития российско-китайских отношений и официально декларируемой приверженности Москвы и Пекина принципам «всеобъемлющего стратегического партнёрства» и «всестороннего практического сотрудничества», ещё раз подтверждённой в ходе августовского визита в Россию премьер-министра Госсовета КНР Ли Цяна, а также в выступлении Си Цзиньпина 2 октября по случаю 75-летия установления дипломатических отношений, в последние месяцы всё более отчётливо стала проявляться тенденция к расширению «полей расхождений» в позициях сторон.

В экономической сфере на первый план вышли проблемы взаимных платежей, широко освещавшиеся в СМИ и вызванные опасениями крупных и средних китайских банков оказаться под «вторичными санкциями» США за сотрудничество с российскими компаниями.

В политике «поля расхождений» затронули стратегическое видение мирового развития, украинскую проблематику, отношение к региональным конфликтам и специфику военного сотрудничества с США. Китай продолжал последовательно поддерживать идеи и практику глобализации, стремился позиционировать себя как одного из её лидеров, продвигал концепцию глобального управления и «общей судьбы человечества». В отличие от российской логики, Пекин дистанцировался от бинарной схемы деления мира на «дружественный и недружественный» и видел реализацию собственных интересов в «объединении мировых устремлений».

Выступая в сентябре 2024 г. на Генеральной Ассамблее ООН, министр иностранных дел КНР Ван И представил программу «Новый план построения лучшего мира» из четырёх пунктов. Как и многие китайские инициативы, документ содержал больше привлекательной риторики, чем конкретики, но стратегически отражал направление китайской внешнеполитической мысли. Основные положения включали:

1. построение будущего мира и спокойствия через «общую, всеобъемлющую, совместную и устойчивую безопасность» и урегулирование споров посредством диалога;
2. создание будущего развития и процветания на основе «инклюзивной глобализации» и равного распределения плодов экономического роста;
3. формирование будущего равенства и справедливости – «равноправного и упорядоченного многополярного мира», противостоящего «гегемонизму» и «односторонним санкциям»;
4. продвижение к более справедливому и равноправному глобальному управлению.

Вопросы миропорядка становились предметом дискуссий и в академической среде Китая. Профессор Пань Гуан, директор-основатель китайского исследовательского центра по ШОС, отмечал, что ни ШОС, ни БРИКС не располагают ресурсами для противостояния американскому лидерству, «даже если Россия и хотела бы этого»²⁵. По его словам, в эти объединения «входит слишком много стран», включая «антикитайски и проамерикански настроенную Индию». Индия, по оценке Паня, противодействует инициативе «Пояса и пути», в том числе из-за несогласия с прохождением Китайско-пакистанского экономического коридора. Отсюда вывод: если в рамках ШОС, БРИКС или Глобального Юга «Индия будет против – то ничего и не получится». При этом Китай, по его мнению, интересуется в этих структурах прежде всего экономическим измерением и «не намерен конкурировать с Западом как Россия». Что же касается самого Глобального Юга, Пань определял его скорее как лозунг, задавая вопросы: «А вообще – что такое Глобальный Юг?» и «Как можно на практике объединить столько разных стран с порой противоположными интересами?».

В украинском вопросе Пекин продолжал быть «миротворцем над схваткой». Китай жёстко возражал против западного давления, требовавшего ужесточения его позиции по отношению к Москве, но одновременно сохранял экономические и политические контакты с Киевом. Так, в июле 2024 г. Китай посетил министр иностранных дел Украины Дмитрий Кулеба. При этом Пекин,

²⁵ Pan Guang. 2024. 'Despite institutional gains ... SCO's small and weak institutional setup ... badly needs an update.' *"Moscow and Beijing at the Dawn of a Grave New World of ..."*. 1 December. URL: <https://cc.pacforum.org/2024/12/moscow-and-beijing-at-the-dawn-of-a-grave-new-world-of-trump-2-0/> (accessed 05.07.2025).

не осудив наступление ВСУ на Курскую область, призвал «все стороны» «воздерживаться от эскалации конфликта», отметив вместе с тем неприемлемость украинских ударов вглубь российской территории.

В миротворческой политике Пекина наметились новые элементы. Если ранее он делал ставку на собственный план «из 12 пунктов», адресованный Москве и Киеву, то теперь расширял географию своей активности. В мае совместно с Бразилией был представлен новый «мирный план из шести пунктов», включавший поставки гуманитарной помощи, защиту гражданского населения, обмен военнопленными и отказ от расширения зоны боевых действий. При этом принципиальные вопросы геополитического урегулирования – восстановление границ «в границах 1991 г.» или с учётом «новых реалий» – оставались за рамками. В документе также не учитывались ключевые российские требования: нейтральный статус Украины, фиксация статуса Донбасса, Херсонской и Запорожской областей как российских регионов и снятие санкций.

На полях сессии ГА ООН в сентябре Китай инициировал новый формат – «Встреча друзей мира», в который наряду с КНР и Бразилией вошли Индонезия, ЮАР, Мексика, Замбия и ещё 17 государств «Глобального Юга». По китайским оценкам, инициативу поддержали около 110 стран, тогда как США, ЕС и Украина её отвергли. Для Пекина приоритетом становилось не столько практическое урегулирование конфликта, сколько закрепление международного имиджа КНР как «главного миротворца на Украине», что позволяло ослабить давление Запада и снижало обвинения в поддержке России.

Экономическая составляющая также оставалась важной для Пекина: он опасался, с одной стороны, экономического кризиса в Европе как важнейшем рынке сбыта китайских товаров, а с другой – неконтролируемого разрастания конфликта, способного вызвать глобальный кризис и в перспективе ударить по устойчивости власти КПК и лично Си Цзиньпина.

Ещё одним «полем расхождений» стали военные связи Пекина с США. В начале сентября КНР впервые за много лет приняла участие в бразильских военно-морских учениях «Формоза». Хотя название не имело отношения к Тайваню, сценарий учений предполагал высадку морской пехоты на «враждебный берег». В манёврах участвовали Бразилия, Китай (33 военнослужащих), США (54 военнослужащих), а также Аргентина, Франция, Италия, Мексика, Нигерия, Пакистан, Конго и ЮАР. Западные наблюдатели отметили, что это были первые после 2015 г. совместные китайско-американские учения: тогда Китай направил 1,2 тыс. военнослужащих на возглавлявшиеся США манёвры RAC RIM в АТР, после чего приглашения перестали поступать. По-видимому, через военную дипломатию, в том числе в «недружественных» России странах и в рамках Глобального Юга, Пекин стремился смягчить антикитайские настроения на Западе.

Одновременно Китай не отказывался от демонстрации значимости военного сотрудничества с Россией. В конце сентября были проведены новые китайско-российские военно-морские учения в акватории Японского и Охотского морей, а также в воздушном пространстве над ними.

IV квартал 2024 г.

В конце 2024 г. Китай сохранял сдержанную линию в отношении экономического сотрудничества с Россией, объясняя её рисками возможного введения «вторичных санкций» со стороны США.

В политической сфере, несмотря на продолжающееся подчёркивание обеими сторонами «всеобъемлющего и стратегического характера» двусторонних отношений и их первостепенной значимости для России и Китая, отмечалось некоторое снижение дипломатической активности Пекина на российском направлении. Вероятно, это было связано с ожиданием тех изменений, которые могла вызвать новая конфигурация американо-российских отношений после вступления Дональда Трампа в должность президента США, в том числе в контексте украинского вопроса.

На этом фоне Китай заметно замедлил продвижение собственного плана урегулирования в формате «Друзей мира», хотя и не отказался от возможности использовать его в случае «американской неудачи». 23 декабря 2024 г. официальный представитель МИД КНР заявил о намерении Китая продолжать работу со странами Глобального Юга над решением украинского кризиса.

Подчёркивая, что «Китай и Россия всегда движутся рука об руку по правильному пути», Пекин одновременно обозначил и пределы стратегического взаимодействия двух стран. Вновь была повторена формула о том, что стороны «не формируют союза, не вступают в конфронтацию и не действуют против какой-либо третьей стороны».

Реакция китайского МИД на решение США разрешить Киеву наносить удары дальнобойным оружием вглубь территории России осталась традиционно неопределённой: «Пекин выступает за прекращение боевых действий на Украине».

В то же время в китайском экспертном сообществе усилились дискуссии о необходимости изучения российского опыта адаптации экономики к санкционным условиям. Основное внимание уделялось обеспечению самодостаточности Китая в поставках зерна и энергоресурсов, а также повышению гибкости производственно-промышленных цепочек путём диверсификации внешнеэкономических связей. Эти вопросы рассматривались как превентивная мера на случай возможного военного обострения отношений с США при президенте Трампе, а также как ответ на продолжающуюся «вепонизацию доллара» и наращивание санкционного давления на Китай.

1 квартал 2025 г.

Изменения в американских подходах к Украине и России оказали заметное воздействие на китайско-российские отношения, обозначив несколько ключевых векторов.

Первый – украинский. Последние инициативы Дональда Трампа по завершению конфликта и активизация дипломатической деятельности Вашингтона фактически девальвировали китайско-бразильские предложения, более ранний пекинский план «из 12 пунктов», а также лишили практической значимости формат международной группы «Друзей мира» с привлечением стран Глобального Юга. Как отмечалось в предыдущих отчётах, эти инициативы содержали универсальные призывы к мирному дипломатическому урегулированию, однако страдали отсутствием конкретики и, что стало их главной слабостью, исходили из нереализуемого требования «соблюдения суверенитета и территориальной целостности обеих сторон».

Тем не менее Пекин продолжал удерживать за собой роль посредника. Компенсируя девальвацию собственных инициатив, он поддержал Францию, Великобританию и ряд стран ЕС в их требовании участвовать в переговорах США и России по Украине. В китайских заявлениях звучала озабоченность тем, что «мир может быть достигнут за счёт интересов Украины». В этой связи Пекин выступил за более широкий состав участников – «европейско-китайский», а не узкий американско-российский формат. Одновременно это служило инструментом налаживания отношений с ЕС, прежде всего в экономической сфере: демонстрируя схожесть позиций с Европой, Китай стремился представить себя более предсказуемым партнёром, чем «непредсказуемые» США и Россия, и рассчитывал на расширение торговли с ЕС в случае «закрытия американского рынка».

Вопрос о направлении китайских миротворцев на Украину оставался двойственным и не до конца определённым. Первоначально в Пекине усматривали в этом возможность подчеркнуть глобальное влияние страны, однако постепенно стали преобладать сомнения. Во-первых, участие китайских миротворцев могло бы быть воспринято как «участие с российской стороны», усиливая обвинения в «пророссийской позиции» и осложняя процесс нормализации отношений с Европой. Во-вторых, в европейской среде неминуемо возник бы неудобный вопрос: «если вы сегодня готовы на посылку миротворцев, то почему раньше вы не предотвратили конфликт?» В-третьих, провал миротворческой миссии поставил бы под угрозу усилия Пекина по формированию образа ответственной державы, строящей «сообщество единой судьбы человечества». В таком случае репутации Си Цзиньпина был бы нанесён серьёзный ущерб, с возможными негативными последствиями для его позиций внутри КПК.

Второй вектор связан с треугольником Китай – США – Россия. Реакция Пекина на возобновление американско-российского диалога была двойственной. Официально Си Цзиньпин приветствовал начало переговоров и подтвердил

готовность КНР содействовать урегулированию. Объективно Китай заинтересован в нормализации отношений Москвы и Киева, особенно в контексте реализации инициативы «Пояса и пути» на европейском направлении. Однако на аналитическом уровне проявились новые тревожные оценки.

Эксперты указывали, что в условиях американско-российского сближения Пекин уже не сможет «полагаться на Россию в прежней мере» в китайско-американском противоборстве. По мнению профессора Пекинского университета Фэн Юйцзюня, усиление американско-российского взаимодействия в треугольнике «станет кошмаром для Пекина». Дополнительно отмечалось, что потепление отношений Москвы и Вашингтона может привести к сосредоточению американских ресурсов в АТР, что усилит давление именно на Китай.

Реакцией Пекина стала дипломатическо-пропагандистская демонстрация «нерушимости китайско-российской дружбы». Так, 27 февраля 2025 г. МИД КНР заявил: «ничто не может изменить китайско-российского всеобъемлющего стратегического партнёрства ни при каких изменениях международной обстановки». Визит Ван И в Москву 31 марта – 1 апреля сопровождался акцентами на «особом характере» двусторонних отношений, а также на «исторической значимости вклада России в победу над фашизмом» и «вклада Китая в победу над японским империализмом». Дополнял картину анонс визита Си Цзиньпина в Москву на празднование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне.

В экономическом плане в Китае видели и новые возможности. Снятие американских санкций с России, включая «вторичные санкции» против китайского бизнеса, могло бы существенно расширить пространство для китайско-российского экономического сотрудничества.

Третий вектор носил концептуальный характер. Изменение американско-российских отношений стимулировало в китайском аналитическом дискурсе поиск «глобального ответа» на возможное сближение Москвы и Вашингтона. Основным адресатом этой концептуальной активности рассматривались страны Глобального Юга. В логике такого ответа США и Россия представлялись державами, чьи действия нередко ведут к усилению соперничества и фрагментации международной системы. Китай же стремился предложить альтернативу, основанную на сотрудничестве, диалоге и укреплении единства Глобального Юга²⁶. При этом ведущая роль Пекина прямо не артикулировалась, однако подразумевалась в контексте представления Китая как одного из ключевых центров силы, способного содействовать консолидации стран Юга.

Подобные идеи получили распространение в выступлениях китайских учёных на международных форумах, включая мартовский Форум Боао, часто называемый «китайским Давосом». Конкретные формы реализации «китайского

²⁶ China's message to the Global South. 2025. *ThinkChina*. URL: <https://kinacentrum.se/en/publications/what-is-chinas-message-to-the-global-south/> (accessed 05.07.2025).

ответа» пока не определены, однако заявка на новое лидерство, вероятно, будет обретать реальные очертания по мере развития американо-российского взаимодействия – особенно если оно выйдет за рамки двусторонних отношений и затронет сферы, которые Пекин считает критическими для собственных глобальных интересов.

Таким образом, Китай продолжает оставаться главным «рычагом» поворота Востока к России. Однако эффективное использование этого рычага возможно лишь при внимательном учёте всех нюансов китайского подхода к мировому развитию, особенно в тех вопросах, где позиции Москвы и Пекина расходятся.

Заключение

Формулы «поворота России на Восток» или «разворота Востока к России» отражают, по сути, одну и ту же задачу — поиск нового содержания отношений Москвы со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях трансформирующейся геополитической конфигурации. Решение этой задачи невозможно свести к декларативным лозунгам: оно требует последовательных и прагматичных шагов, соразмерных доступным финансовым ресурсам, а также ясности идеологических ориентиров и внутренней политической согласованности.

Ключевыми направлениями здесь выступают, во-первых, инвестиционные перспективы, во-вторых, формирование идеологической рамки, приемлемой для государств региона. Оба вектора представляют для России значительные трудности. Следование западной модели «рыночной демократии» в нынешних условиях выглядит малореализуемым; столь же сомнительным представляется и заимствование китайского варианта коммунистической практики либо выстраивание стратегии исключительно на демонстративном противопоставлении обоим подходам.

Реальная политика неизбежно предполагает, что «за разворот Востока к России придётся платить». Цена выражается не только в финансовых вложениях, но и в политико-идеологических компромиссах, без которых формирование устойчивых и институционализированных форматов сотрудничества оказывается невозможным.

Альтернативный сценарий, который не следует оценивать как заведомо негативный, состоит в отказе от резких манёвров и в ориентации на постепенную адаптацию к естественной динамике процессов в АТР. В этом случае Россия может интегрироваться в региональные тренды не через демонстративные «повороты» или «развороты», а посредством выверенной и поэтапной подстройки к объективной логике развития Востока.

Об авторе:

Василий Васильевич Михеев – академик РАН, доктор экономических наук, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: mikheev@imemo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.39:327.5(470+510)(5)

Received: May 10, 2025

Accepted: July 15, 2025

Turning the East toward Russia: The China Factor

 V.V. Mikheev

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-4-103-7-45](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-7-45)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences

Abstract: This article reconsiders Russia's "Pivot to the East" by reframing it through a broader research question: how might an "Eastward turn toward Russia" be initiated. The analytical framework builds on the intellectual legacy of Academician A.V. Torkunov and focuses on the institutional and ideational conditions underpinning Russian policy in the Asia-Pacific. The study identifies four groups of factors shaping the prospects of this strategy: (1) the dynamics of regional stability and instability; (2) the distribution of friendly, neutral, and unfriendly states across the region; (3) the economic trajectory of the Asia-Pacific, largely conditioned by the state of U.S.–China relations and China's domestic priorities; and (4) the ideational and normative frameworks that reveal the limits of anti-Americanism and multipolarity as universal strategic foundations. Particular attention is devoted to the "China factor," analyzed through a quarter-by-quarter assessment of the period 2022–2025, which highlights Beijing's gradual shift from benevolent neutrality to a more pragmatic and cautious stance. The article examines China's attempts to position itself as a mediator in the Ukraine conflict, the constraints of the "no-limits partnership," and the lessons Beijing draws from Ukraine for its Taiwan policy. The economic dimension of Sino-Russian relations is characterized less by a strategic reorientation than by adaptation and substitution under sanctions pressure. The analysis concludes that, despite Russia's continuing strategic value for China, the widening "fields of divergence" create new risks for aligning long-term interests. The sustainability of an "Eastward turn toward Russia" depends on gradual institutionalization of cooperation, integration into regional processes, and the avoidance of excessive ideological framing of foreign policy.

Keywords: China; Russia; Ukraine; "comprehensive strategic partnership"; Global South; secondary sanctions; peace initiatives; Belt and Road; U.S.–Russia relations; strategic rivalry

About the author:

Vasily V. Mikheev – Doctor of Economic Sciences, Full Member of RAS, Member of Directorate, Head of Research Center for Asia Pacific Studies. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: mikheev@imemo.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Torkunov A., Streltsov D. 2023. Rossiskaya politika povorota na Vostok: problemy i riski [Russian Policy of Turning to East: Problems and Risks]. World Economy and International Relations. 67(4). P. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16 EDN

Список литературы на русском языке:

Торкунов А., Стрельцов Д. 2023. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. *Мировая экономика и международные отношения*. 67(4), С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16 EDN: QBQAWC